

СКОТТ Келли
и Маргарет Лазарус Дин

СТОЙКОСТЬ

Мой год
в КОСМОСЕ

Перевод с английского

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Москва
2019

Глава 1

20 февраля 2015 г.

Чтобы покинуть Землю, нужно забраться на край земли. С 2011 г., когда программа «Спейс-шаттл» была свернута, доставить нас в космос могут только русские, и путешествие приходится начинать с космодрома Байконур в безводных степях Казахстана. Сначала я отправляюсь из Хьюстона в Москву — привычный 11-часовой перелет, — а оттуда в микроавтобусе в Звездный Городок — 70 км и от одного до четырех часов, в зависимости от московских пробок. Это российский аналог Космического центра имени Джонсона (КЦД), здесь уже 40 лет тренируются космонавты (в последние годы и астронавты, которым предстоит лететь в космос вместе с ними).

Звездный — небольшой город с собственными мэрией и церковью, музеями и жилыми кварталами. Здесь установлена гигантская статуя Юрия Гагарина — человека, совершившего в 1961 г. первый космический полет. Простой и непричудливый, выполненный по канонам соцреализма памятник изображает космонавта шагающим с букетом цветов за спиной. Несколько лет назад Роскосмос построил специально для нас, американцев, линию таунхаусов, жить в которых — все равно что в декорациях к фильму, воплощающему русские

стереотипы о нас. Огромные холодильники, огромные телевизоры, но все словно ненастоящее. Я провел в Звездном Городке много времени, в том числе в качестве представителя КЦД, но мне там до сих пор неуютно, особенно в разгар жестокой русской зимы. После первых недель подготовки меня охватило желание вернуться в Хьюстон.

Из Звездного Городка мы совершили 2560-километровый перелет на Байконур, в прошлом секретный стартовый комплекс советской космической программы. Отныне словом «глухомань» я называю исключительно Байконур. Космодром был построен в деревне, именованной Тюратам в честь потомка Чингисхана, но в целях конспирации назывался Байконуром, как и поселок, находящийся в нескольких сотнях километров. Теперь Байконуром называют только космодром. В прошлом Советы называли свой стартовый комплекс Звездным Городком, чтобы еще больше запутать Соединенные Штаты. Мне, американцу, выросшему и выучившемуся на военного летчика на излете холодной войны, странно сознавать, что я приглашен в самое сердце бывшей советской космической программы и скоро узнаю ее секреты. В настоящее время в Байконуре живут главным образом казахи, потомки тюркских и монгольских кочевников, а этнические русские, оставшиеся здесь после распада Советского Союза, составляют меньшинство. Технические объекты Россия арендует у Казахстана. Российский рубль — основная валюта, на всех транспортных средствах российские номера.

С высоты кажется, что сооружения Байконура случайным образом разбросаны по сухой степи. В уродливых бетонных зданиях чудовищно жарко летом и немилосердно холодно зимой, между ними ржавеют горы брошенной техники. В тени аэрокосмического оборудования кланчат еду стаи бродячих собак и дикие верблюды. Эта бесприютная суровая местность для большей части мира — единственный действующий космодром для пилотируемых запусков.

Я прилетаю на Байконур на борту Ту-134, старого российского военного транспортника. Возможно, когда-то этот самолет был оборудован бомбодержателями и в час испытаний мог поработать бомбардировщиком, то есть являлся частью арсенала, созданного Советами для нападения на мою страну. Теперь он возит международные экипажи космических путешественников — русских, американцев, европейцев, японцев и канадцев. Мы, бывшие враги, стали членами одной команды на пути к космической станции, которую построили вместе.

Носовая часть салона отведена основному экипажу (двое моих русских товарищей и я) и нескольким высокопоставленным лицам. Временами я направляюсь в хвост, где сидел во время прежних рейсов на Байконур. Все начали пить с самого утра, сразу после вылета из Звездного Городка, и сейчас в хвосте у русского обслуживающего персонала веселье в полном разгаре. Русские никогда не пьют без закуски: к водке и коньяку предлагаются помидоры, сыр, сосиски, маринованные огурцы, тонкие ломти соленой вяленой рыбы и соленого свиного жира, который называется *сало*. В первую поездку в Казахстан в 2000-м, когда я пробирался через празднующую в хвосте компанию к уборной, меня остановили и заставили стопками пить *самогон*, русский крепкий алкоголь кустарного производства. Пьяные техники шатались от турбулентности и спирта, проливая выпивку на себя и на пол самолета. При этом все курили сигарету за сигаретой. Счастье, что мы добрались до Казахстана, не превратившись в гигантский огненный шар из самогона и авиационного керосина!

Сегодня тоже все крепко пьют, и мы порядком набираемся к моменту, когда самолет вываливается из облаков над плоской ледяной пустыней и касается единственной в Байконуре посадочной полосы. Мы выползаем наружу, моргая от холода, и видим группу встречающих — официальных лиц из Роскос-

моса (Российского космического агентства) и «Энергии», компании, строящей космические корабли «Союз», один из которых доставит нас на орбиту для стыковки с Международной космической станцией. Здесь же мэр Байконура и другие местные шишки. Мой русский товарищ по экипажу Геннадий Падалка делает широкий шаг вперед и чеканит, пока остальные изображают внимание: «Мы готовы к следующим шагам нашей подготовки».

Это ритуал, один из множества в сфере космических полетов. У нас, американцев, тоже есть знаковые моменты на аналогичных этапах предстартовой подготовки. Между ритуалом и суеверием пролегает тонкая граница, а в таком опасном для жизни деле, как полеты в космос, суеверия помогают даже неверующим.

На краю взлетной полосы мы замечаем необычную, но приятную картину — группу казахских детей, маленьких посланцев с края Земли: круглощеких, черноволосых, с преобладанием азиатских черт, в яркой пыльной одежде и с воздушными шариками. Русский врач рекомендует нам держаться от них подальше: есть подозрения, что в этом районе эпидемия кори, а если один из нас заразится, последствия будут серьезные. Нам всем сделаны прививки, но русские врачи экипажей очень осторожны: никто не должен улететь в космос с корью. Обычно мы слушаемся врача, тем более что в его власти отстранить нас от полета, но сейчас Геннадий решительно выходит из ряда.

«Нужно поздороваться с детьми», — твердо говорит он по-английски.

Я знаком с Геннадием и третьим членом экипажа Михаилом Корниенко (Мишей) с конца 1990-х, когда начал ездить в Россию для работы над совместной программой двух стран по созданию космической станции. У Геннадия шапка седых волос и острый, все подмечающий взгляд. Ему 56, он командир нашего «Союза». Это прирожденный лидер, умеющий

решительно отдать приказ, когда это необходимо, и внимательно выслушать, если вам есть что сказать. Я доверяю ему безоговорочно. Однажды в Москве, возле Кремля, я видел, как он отделился от группы космонавтов, чтобы отдать дань уважения месту, где был убит оппозиционный политик, возможно, приближенными Владимира Путина. Для космонавта, государственного служащего, это был рискованный поступок. Другие русские в нашей компании, как мне показалось, не хотели даже говорить об этом убийстве, но не Геннадий.

54-летний Миша, который станет моим спутником на целый год, совсем другой — простой, спокойный и задумчивый. Отец Миши, пилот военного вертолета, служил в отряде поиска и спасения космонавтов и разбился, когда сыну было всего пять лет. Страшная потеря лишь укрепила мечту Миши полететь в космос. Отслужив в воздушно-десантных войсках, он хотел в дальнейшем получить диплом в Московском авиационном институте, чтобы стать бортинженером. Но поступить туда было сложно, особенно если ты не проживал в Московской области. Поэтому Миша пошел служить в московскую милицию, чтобы получить прописку и льготы для поступления в институт. В 1998 г. прошел отбор в отряд космонавтов.

В голубых глазах Миши ясно читаешь, что для него нет ничего важнее, чем услышать и понять тебя. Он более открыт, чем другие знакомые мне русские. Будь он американцем, я бы сравнил его с хиппи из Вермонта в неизменных биркенштоках.

Мы подходим к казахским детям, здороваемся с ними, обмениваемся рукопожатиями и принимаем букеты, возможно кишасщие возбудителями кори. Геннадий увлеченно болтает с детьми, лицо озаряет его знаменитая улыбка.

Вся компания — основной и дублирующий экипажи, а также обслуживающий персонал — грузится в два автобуса

и едет на карантинную базу, где мы проведем следующие две недели. (Основной и дублирующий экипажи всегда путешествуют отдельно по той же причине, что и президент с вице-президентом.) Пока мы размещаемся, Геннадий шуток ради усаживается на место водителя, и все мы фотографируем его на телефоны. Много лет назад команды приезжали на Байконур, проводили здесь день за проверкой космического корабля «Союз» и возвращались в Звездный Городок на две недели в ожидании старта. Теперь в целях экономии количество перелетов сведено к одному, и нам придется остаться здесь. Я сажусь у окна, вставляю в уши наушники и прислоняюсь головой к стеклу в надежде подремать в пути на карантинную базу, больше похожую на отель. Дорога в ужасном состоянии — всегда была такой и становится все хуже: асфальт сплошь в рытвинах и заплатках, я бьюсь головой о стекло, что не способствует сну.

Мы минуем обветшавшие жилые комплексы советской эпохи, громадные заржавленные спутниковые тарелки, поддерживающие связь с российским космическим кораблем, горы мусора, одинокого верблюда. День ясный, солнечный. Проезжаем байконурский памятник Юрию Гагарину — здесь он изображен с поднятыми руками, и в этом жесте не триумф, как у гимнаста после безупречного завершения элемента, а чистая радость ребенка, готового сделать кувырок. Он улыбается.

Далеко на горизонте пусковая вышка поднимается над обветшалой бетонной площадкой, с которой Юрий впервые в истории оторвался от Земли, чтобы устремиться в космос. Отсюда покидал Землю практически каждый российский космонавт, а через две недели улечу и я. Иногда мне кажется, что русские уделяют больше внимания традициям, чем внешнему виду или функциональности. Этот стартовый стол, который они называют «гагаринским стартом», пропитался прошлыми успехами, и они не собираются его менять.

Наш с Мишей полет — год на МКС — беспрецедентен. Стандартная экспедиция на космическую станцию длится от пяти до шести месяцев, и ученые накопили достаточно данных о том, что происходит с телом человека в космосе за это время. О том, как развиваются события после шестого месяца, почти ничего не известно. Скажем, симптомы могут резко обостриться на девятом месяце или, наоборот, сойти на нет. Существует лишь один способ это выяснить.

Я и Миша будем снимать с себя разнообразные данные для исследований, уделяя этому существенную часть времени. Поскольку мы с Марком однойцовые близнецы, я участвую в еще одном объемном исследовании: в течение года нас с братом будут сравнивать по разным параметрам вплоть до генетического уровня. Международная космическая станция — это орбитальная лаборатория мирового класса, и, помимо исследования человеческого организма, одним из главных объектов которого я стану, мне за этот год предстоит посвятить много времени другим экспериментам, в частности из области физики жидкостей, ботаники, окисления органических веществ и наблюдения Земли.

Рассказывая слушателям о Международной космической станции, я неизменно подчеркиваю значимость научной деятельности, которая там ведется. Для меня, однако, столь же важно, что станция является плацдармом нашего биологического вида в космосе. Там мы можем узнать, как проникнуть глубже в космос. Затраты высоки, как и риски.

В течение предыдущей экспедиции на станцию продолжительностью в 159 дней я потерял костную массу, у меня атрофировались мышцы, а кровь перераспределилась в теле, так что стенки сердца деформировались и усохли. Более того, возникли проблемы со зрением, как у многих астронавтов. Я получил дозу радиации, в 30 раз превышающую земную норму, как если бы делал десять рентгеновских снимков грудной клетки ежедневно. Это увеличило для меня риск забо-

леть смертельной формой рака. Но все перечисленное меркнет по сравнению с главным риском: что с кем-то из любимых случится беда, пока я нахожусь в космосе без какой бы то ни было возможности вернуться домой.

Глядя в окно на причудливый байконурский пейзаж, я понимаю, что за все время, проведенное здесь, — целые недели — фактически ни разу не видел самого города. Я бывал только в особых местах по служебной необходимости: в ангарах, где инженеры и техники готовят к полету наш космический корабль и ракету, в залитых флуоресцентным светом комнатах без окон, где мы облачаемся в скафандры «Сокол», в зданиях, где располагаются наши инструкторы, переводчики, врачи, повара, управленцы и другой обслуживающий персонал, а также в ближайшем доме, где мы живем, — американцы любовно именуют его «дворцом Саддама». В этой пышной резиденции, построенной для главы Российского космического агентства, его сотрудников и гостей, разрешено селиться членам экипажей во время пребывания на Байконуре. Это место приятнее других построек и несравненно комфортнее спартанских помещений в офисном здании Космического центра имени Кеннеди во Флориде, где астронавты шаттлов когда-то отбывали карантин. Во «дворце Саддама» хрустальные люстры, мраморные полы и у каждого четырехкомнатный номер с джакузи. В здании имеется баня, русская сауна с холодным бассейном, куда можно нырнуть после парной. В начале двухнедельного карантина я заглянул в баню, где голый Миша хлестал голого Геннадия пучком березовых веток. Увидев это зрелище впервые, я несколько оторопел, но, как только сам попарился в бане, окунулся в холодную как лед купель и затем выпил домашнего русского пива, оценил ее в полной мере.

Есть во «дворце Саддама» и обширная столовая с отглаженными белыми скатертями, тонким фарфором и плазменными телевизорами на стенах, где вечно крутят старые советские

фильмы, видимо любимые космонавтами. Русская еда хороша, но американцам через какое-то время она может поднадоесть — борщ почти каждый день, мясо с картофелем, другое мясо с картофелем, все засыпано тоннами укропа.

— Геннадий, — завожу я речь за обедом через несколько дней после заселения, — зачем столько укропа?

— А что? — спрашивает он.

— Вы суете укроп во все. Некоторые блюда были бы очень вкусными, если бы не тонули в укропе.

— А, ясно. — Геннадий кивает, на его лице проступает характерная улыбка. — Это оттого, что русский стол состоит главным образом из картошки, капусты и водки. Укроп избавляет от газов.

Потом я погуллил — так и есть! Замечу, очень разумно избавиться от газов перед тем, как оказаться запертыми на много часов в крохотной железной банке вплотную друг к другу, так что я перестал сетовать на обилие укропа.

На следующий день после прибытия на Байконур у нас была первая «примерка». Для нас это возможность оказаться внутри спускаемого аппарата «Союз», пока он еще в ангаре, не соединенный с ракетой-носителем, которая выведет нас в космос. В огромном, как пещера, ангаре, известном под названием «здание 254», мы надеваем скафандры «Сокол». Это невероятно трудоемкий процесс. Единственный «вход» в скафандр находится на груди: нужно вползти ногами вперед через эту нагрудную дыру, с усилием протолкнуть руки в рукава, вслепую нашарить головой разъемное кольцо. Для меня этот процесс часто заканчивается царапинами на макушке. В данном случае отсутствие волос — это минус. Затем входное отверстие герметически закрывается, причем этот процесс поражает примитивностью: края материала складываются гармошкой и скрепляются эластичной тесьмой. Знакомясь с этой системой, я не мог поверить, что какие-то резинки станут

нашей единственной защитой в космосе. Когда я оказался на космической станции, то узнал, что точно такими же резиновыми лентами русские в космосе стягивают горловины мешков для мусора. С одной стороны, меня это насмешило, с другой — я оценил прагматизм русских в отношении технологии. Зачем менять то, что работает?

«Сокол» конструировался как спасательный скафандр, его единственная функция — уберечь нас в случае пожара или разгерметизации «Союза». В ходе полета я пользовался при выходах в открытый космос другим скафандром, намного более солидным и технологичным, — своего рода маленьким космическим кораблем. Скафандр «Сокол» имеет то же назначение, что и оранжевый скафандр разработки НАСА, в котором я летал на шаттле. НАСА представило этот скафандр только после катастрофы «Челленджера» в 1986 г.; прежде астронавты обходились обычными комбинезонами из ткани, как и русские до аварии 1971-го, когда в результате разгерметизации погибли три космонавта. С тех пор космонавты (равно как и астронавты, летящие вместе с ними в «Союзе») должны быть в скафандрах «Сокол». Странное чувство вызывают эти свидетельства трагедий — запоздалые усовершенствования, которые могли бы спасти астронавтов и космонавтов, рисковавших так же, как рискуем мы, но проигравших.

Сегодня у нас нечто вроде генеральной репетиции: мы облачаемся в скафандры, их проверяют на герметичность, затем нас пристегивают привязными ремнями в персональных креслах, выполненных по гипсовым отливкам с наших тел. Это нужно не для нашего удобства, которому русские не придают особого значения, а в целях безопасности и экономии места: незачем делать сиденье просторнее минимально необходимого. Кресла, изготовленные по индивидуальным размерам, поддержат наши позвоночники и примут на себя часть удара при жесткой посадке на Землю через год после старта.

Несмотря на все время, проведенное в макетах «Союза» в Звездном Городке, я изумляюсь тому, как трудно втиснуться в кресло, когда на тебе скафандр. Всякий раз я сомневаюсь, что помещусь, и всякий раз помещаюсь. Еле-еле. Приподнявшись в ложементе, я бы ударился головой о стену. Интересно, каково более рослым коллегам? Пристегнувшись с помощью привязной системы, мы тренируемся пользоваться оборудованием, дотягиваться до кнопок, считывать показания с экранов, брать свои планшеты. Мы обсуждаем, что хотели бы подогнать под себя, вплоть до деталей, например, где предпочитаем разместить таймеры (для хронометража работы двигателя), карандаши и кусочки ленты-ворсовки велкро, чтобы закрепить предметы, когда окажемся в космосе.

Закончив, мы выбираемся из люка и осматриваем пыльный ангар. Вон очередной грузовой корабль «Прогресс», очень похожий на «Союз», поскольку русские не станут создавать две конструкции, если годится одна. Через несколько месяцев «Прогресс» доставит нам на МКС оборудование, снаряжение для экспериментов, запасы продовольствия, кислород и подарки из дома. В июле стартует «Союз» с новым экипажем из трех человек. Где-то в этом ангаре собирается из деталей следующий «Союз», за ним еще один и так далее. Русские начали запускать «Союзы», когда мне было три года.

Космический корабль «Союз» (Soyuz — то же слово, что в названии страны «Советский Союз») предназначен для маневрирования в космосе, стыковки со станцией и сохранения жизни людей, а ракета-носитель — это «рабочая лошадка», придуманная человечеством, чтобы вырваться из-под власти земной гравитации. Ракеты (по непонятной причине также называемые «Союзами») готовят к запуску в зоне сборки и проверки напротив ангара — на площадке № 112. Мы с Геннадием и Мишей переходим дорогу, минуем группу российских журналистов и в очередном громадном, как пещера, здании оказываемся рядом с нашей раке-

той. Серая, как оружейный металл, она лежит на боку. В отличие от шаттла и его предшественницы, колоссальной связки «Аполлон–Сатурн», космический корабль и носитель «Союз» соединяются в горизонтальном положении и в нем же выкатываются на стартовый стол. Лишь там за пару дней до запуска их поднимут и установят вертикально, в направлении на цель. Это очередной пример различия подходов русских и американцев. Данная процедура не столь парадна, как у НАСА, когда на старт торжественно выдвигается вертикальная громада, закрепленная на могучем гусеничном транспортере.

При длине 49,5 м эта ракета, «Союз-ФГ», заметно меньше шаттла в сборе, но и ее размеры впечатляют. Мы надеемся, что этот гигант высотой с многоэтажный дом оторвется от Земли, унося нас со скоростью, в 25 раз превышающей скорость звука. Темно-серый листовый металл ее корпуса в грубых заклепках выглядит непривлекательно, но его функциональность внушает уверенность. «Союз-ФГ» — «внучка» советской «Р-7», первой в мире межконтинентальной баллистической ракеты. «Р-7» была создана во время холодной войны для доставки ядерных зарядов к целям в Америке, и я не могу забыть свое детское восприятие: Нью-Йорк и мой родной пригород Уэст-Ориндж в Нью-Джерси неизбежно одними из первых будут атакованы и сметены с лица земли при ударе Советов. Сегодня я стою с двумя русскими в их некогда секретном здании, и мы собираемся доверить друг другу свои жизни, отправляясь в космос на бывшем оружии уничтожения.

Все мы — Геннадий, Миша и я — были военнослужащими, прежде чем пройти отбор для космических полетов, и, хотя это никогда не обсуждается, мы знаем, что могли бы получить приказ уничтожить друг друга. Теперь мы участвуем в крупнейшей в истории программе мирного сотрудничества. Когда меня спрашивают, стоит ли космическая станция денег, кото-

рые на нее тратятся, я всегда на это указываю. Двое бывших непримиримых врагов переделывают оружие в транспортное средство для исследований и развития науки — сколько это стоит? Враждовавшие страны превращают своих воинов в членов одного экипажа и друзей на всю жизнь — а это сколько? В деньгах не оценишь, но, на мой взгляд, данное обстоятельство окупает любые затраты на проект и даже смертельный риск для нас.

История МКС началась в 1984 г., когда президент Рейган в ежегодном обращении к конгрессу объявил, что НАСА разрабатывает проект космической станции «Фридом», которую планирует вывести на орбиту в течение 10 лет. Поскольку проект многократно урезался и перекраивался из-за сопротивления конгресса, «Фридом» так и не приблизилась к этапу реального строительства, и в 1993-м президент Клинтон сообщил о ее объединении с проектируемой станцией Российского космического агентства «Мир-2. К проекту подключились космические агентства Европы, Японии и Канады, составив международную коалицию из 15 стран. Потребовалось более ста запусков для вывода всех компонентов на орбиту и свыше сотни выходов в открытый космос, чтобы собрать их на орбите. МКС — впечатляющий результат технологического развития и международного сотрудничества. На ней постоянно живут люди с 2 ноября 2000 г. — иначе говоря, уже 14 лет Земля не является единственным местом обитания всего человечества. МКС с большим отрывом возглавляет список самых длительно эксплуатируемых обитаемых объектов в космосе, на ней побывали 200 с лишним человек из 16 стран. Это крупнейший международный проект после Второй мировой войны.

В последнее утро на Земле я просыпаюсь около семи и провожу ранние часы за разбором чемоданов: один будет встречать меня в Казахстане, остальные вернуться в Хьюстон. Удиви-

тельно, чем забита голова! Что мне понадобится сразу после приземления? А что не сразу? Не забыл ли я записать номера кредитки и счета для оплаты коммунальных услуг? Непросто все это утрясти, но нужно убедиться, что я не просрочу выплаты по ипотеке и смогу купить подарки Амико и дочкам, когда буду в космосе.

Последний завтрак на Земле представляет собой байконурский эксперимент в области американской кулинарии: яйца «в мешочек» (поскольку мне так и не удалось объяснить казахскому повару, что значит «глазунья средней прожарки»), тост и «сосиски к завтраку» (в действительности хот-доги, разогретые в микроволновке). Сборы в день старта длятся намного дольше, чем можно предположить, — это относится ко многим сторонам космических полетов. Я напоследок захожу в баню расслабиться, затем делаю предполетную клизму — в космосе кишечник поначалу перестает функционировать, и русские рекомендуют заранее освободиться от всего лишнего. Космонавтам эту процедуру проводят их врачи с помощью теплой воды и резиновой груши, я же предпочитаю приобрести все нужное в аптеке и действовать в уединении, чтобы ничем не омрачать дружбу с моим врачом. Теперь можно поблаженствовать в джакузи и вздремнуть, поскольку наш запуск назначен на 1:42 ночи по местному времени. Проснувшись, я не торопясь принимаю душ. Я знаю, как мне будет не хватать контакта с водой весь предстоящий год.

Русский врач экипажа, которого мы зовем Доктор Нет, заглядывает вскоре после того, как я выхожу из душа. Прозвище он получил потому, что именно от него зависит, смогут ли близкие навестить нас в карантине. Его решения деспотичны, порой злонамеренны и бесповоротны. Сейчас его задача — обернуть нас с головы до ног спиртовыми салфетками. Это спиртование, изначально предназначенное для истребления микробов, пытающихся прокатиться «зайцами» на телах космических путешественников, превратилось в очередной риту-

ал. Подняв бокал шампанского за удачу вместе с вершушкой руководства и другими важными лицами, мы минуту сидим в тишине по русской традиции перед дальней дорогой. Когда мы выйдем из здания, русский православный священник благословит нас и брызнет святой водой в лицо. Каждый космонавт проходит все эти шаги, пройдем и мы. Я не религиозен, но всегда говорю, что, если вы готовитесь улететь в космос, благословение не помешает.

Мы совершаем ритуальное шествие мимо журналистов под традиционное музыкальное сопровождение — русскую песню «Трава у дома». В ней поется о том, как космонавты тоскуют по родному дому, а звучит она, как если бы советский военный оркестр заиграл на карнавале:

*И снится нам не рокот космодрома,
Не эта ледяная синева,
А снится нам трава, трава у дома —
Зеленая, зеленая трава.*

Мы садимся в автобус, который отвезет нас в здание, где надевают скафандры. Как только двери автобуса закрываются, веревку, удерживающую толпу провожающих, перерезают, и все кидаются к нему. Царит хаос, в котором я сначала не могу разглядеть своих родных, но наконец вижу их в первом ряду: Амико, Саманту, Шарлотт и Марка. Кто-то поднимает 11-летнюю Шарлотт, чтобы она могла прижать ладони к окну автобуса, и я прикладываю к ним свои через стекло, пытаюсь выглядеть счастливым. Шарлотт улыбается во всю круглую белокожую мордашу. Если она и грустит из-за того, что не увидит меня целый год, боится смотреть, как я покидаю Землю в почти неуправляемой бомбе, знает, со сколькими опасностями я должен буду столкнуться, прежде чем смогу вновь ее обнять, то не показывает этого. Вот она уже стоит вместе со всеми на асфальте и машет. Я вижу улыбку Амико